

Г. Ф. Одинцов

РУССКИЕ *ЗАЗНОБА*, *ЗАЛЁТКА*, *ЛАПУШКА*

Лишь о первом из этих названий сообщается в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера; они совершенно не представлены в других этимологических словарях и до сих пор нигде не описаны. Рассмотрение их в пределах одной статьи обусловлено тем, что они сходны по своему характеру и сфере употребления, будучи словами народно-разговорными с заметным народно-поэтическим оттенком.

Зазноба

Современное русское *зазноба* — 1) простореч. 'возлюбленная, любимая', реже — 'возлюбленный'; 2) устар. 'страсть, любовное влечение'; 3) устар. 'досада, огорчение'¹, — как отмечает М. Фасмер², у И. Желтова производится от сущ. *зной*, «потому что говорится также *зазной* или *зазноя* о предмете любви»³. Это толкование с некоторым сомнением воспроизводится М. Фасмером, добавляющим: «Трудное слово. Возможно, скорее это табуистическое название от *знобить*»⁴.

Наличие слов *зазной*, м., *зазноя*, ж., пск. 'зазноба, зазнобушка, кого люблю без памяти' подтверждается⁵, но обращение к толкованию И. Желтова, пожалуй, излишне, и притом не только по фонетическим соображениям (исчезновение звука *j*), но и ввиду наличия до сих пор не привлекавшихся в этой связи диалектизмов *знойкий* 'очень холодный, морозный (говорят: зима *знойкая* — лето жаркое будет)', Моск., 1968 (материалы А. Ф. Ивановой); 'резкий (о морозе, ветре)', «Новое время» (без указ. места), 1898; Островский (без указ. места); *знойный* 1. 'холодный'. Лебед. Тамб., Архив АН. 2. 'сильный, резкий (о зимнем ветре)'. Брон. Моск. 1897 г.; Ряз. *знойно*, нареч., безл. сказ. 'холодно'. Брон.

¹ Словарь современного русского литературного языка. Изд. АН СССР, Т. 4. М., 1950, стб. 465—466; материалы картотек Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР.

² Фасмер М., стр. 74.

³ И. Желтов. Этимологические афоризмы. — «Филологические записки». Воронеж, 1876, № 1, пагинация III, стр. 21.

⁴ Фасмер М., стр. 74.

⁵ Даль В. И., стб. 1447; Дополнение к Опыту, стр. 56.

Моск., 1897 г.⁶ Эти диалектизмы ясно указывают на наличие в прошлом существительного (также, по-видимому, диалектного) *зной* * 'мороз, сильный холод', от которого скорее всего и образовался диалектизм *ззной* при помощи приставки *за-* на фоне общерусского *за-зноба*.

В связи с этим приобретает актуальность оставшаяся, по всей вероятности, неизвестной М. Фасмеру ещё одна, близкая его собственной этимология слова *ззноба*: «Мороз, явление противоположное жару, сближается, однако, в языке с огнем. . . , а потому в влр. песнях он *палыцетой*. . . Оттого мороз, подобно огню, — символ любви: влр. *ззноба*, любовь, любовница, *ззнобчивый*, влюбчивый»⁷.

Любопытно, что А. А. Потехня, располагавший значительным сравнительным славянским народно-поэтическим материалом, приводит слово *ззноба* 'любовь, любимая' только как великорусское семантическое образование. Это вполне соответствует лексикографическим данным: *ззноба* именно в значении 'любовь, любимая' нигде в других славянских языках не отмечено, что может служить доводом в пользу его позднего семантического оформления в собственно русских условиях. В самом деле, общеславянская семантика этого слова иная: 'огорчение'; ср. укр. *ззнобка*, -ки, ж. 'огорчение'⁸; блр. *ззноба*, -ы, ж. 'печаль, огорчение', 'предмет печали, огорчения'⁹, — в этом втором значении слово сравнимо с польск. *zaznoba*, -у, 'деревянный колышек у конца дышла'¹⁰ (по-видимому, то, что может причинять рабочему скоту боль; ср. укр. диал. *ззнобка* 'шрам, ожог', 'пороз'¹¹); общерусский семантический архаизм *ззноба* 'досада, огорчение', 'обмороженное место на теле', далее — смоленск. *ззнобушка* 'печаль, огорчение, предмет грусти'¹², ср. выражение «Только на сердце великая *ззнобушка*» (Плач матери по умершем сыне. — Северновеликорусск., В. Н. П. II 27, 41. — Картоотека МДРС), *ззноба* 'забота, тоска' (шуйск. влад., 1854. — Картоотека СРНГ), ср. выражение «Ззноба ль моя, ззноба / Не маленькая, / Эх, не маленькая, / Ззнобила мое сердце» (куйбышевск.)¹³. Возможно, в связи с этим возникают выражения

⁶ Ф и л и н, 11 (в печати). Эти сведения любезно сообщила автору настоящей статьи сотрудница Словарного сектора Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР Н. А. Романова.

⁷ А. А. П о т е б н я. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1860, стр. 33—34.

⁸ Г р и н ч е н к о I, стр. 41. Таково же *ззнобка* и в укр. народной песне: (сыновья) «Не велику *ззнобку* счинили, | Матку стареньку з двора вигонали» (А. А. П о т е б н я. Там же).

⁹ Н о с о в и ч, стр. 168.

¹⁰ Варшавский словарь VIII, стр. 365.

¹¹ Е. Ж е л е х о в с ь к и й. Малорусько-німецький словарь. Т. I. Львів, 1886, стр. 245.

¹² Д о б р о в о л ь с к и й, стр. 237.

¹³ Русские народные песни Поволжья. Вып. I. Песни, записанные в Куйбышевской области. Изд. АН СССР. М.—Л., 1959, стр. 94.

заснобить чьё-либо сердце 'пробудить страсть, любовное влечение'¹⁴ [например: «Молодой детинушка... / Заснобил сердечушко, / Иссушил ретивое» (олонецк., 1868 г.)]¹⁵ и — в значении 'возлюбленная' — *засноба сердца (и сердцу)* (например: «Долг платежом красен, — сказал он (Пугачёв. — Г. О.), мигая и прищуриваясь. — Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не засноба ли сердцу молодецкому? а?» — Пушкин. «Капитанская дочка», гл. 11; еще: Н. Цыганов. «Что это за сердце»; А. К. Толстой. «Князь Серебряный», гл. XVII и XXVI; Н. Г. Помяловский. «Поречане», IV), *засноба сердечная* (Н. А. Некрасов. «Похороны»), *засноба ретивая* (П. А. Вяземский. «Памяти живописца Орлова»). Постепенно во второй половине XIX в. такое традиционное (в исторических романах и т. п.) употребление в литературном языке устаревает окончательно, вытесняемое абсолютным употреблением слова *засноба* (без суф. в род. п. или определения-прилагательного), засвидетельствованным отчасти в XVIII в.: «... ты меня поцелуй, моя заснобушка». — Веревк. «Именинники». — «Росс. феатр, или полное собрание всех российских феатральных сочинений». Ч. XXI, 1788, стр. 256. (Картотека XVIII в.).

Процесс утверждения абсолютного употребления *засноба* 'любовь, любимая' (из сочетания *засноба сердца* в том же значении) отражается в литературном языке несколько позднее, чем в народном обиходе, что понятно ввиду консервативной природы литературного языка. Но и народные русские песни, как видно из представленного здесь материала, подчас сохранили общевосточнославянскую семантику этого слова.

Таким образом, история народного поэтизма *засноба*, пусть и очень кратко описанная здесь, дает возможность предполагать, что перед нами довольно позднее семантическое образование (*засноба* 'обмороженное место': *засноба сердца (сердечная)* → *засноба* 'любовь, любимая'). Во всяком случае, завершение этого процесса можно наблюдать в текстах (разного рода) лишь начиная с последней четверти XVIII в.

Рассмотрение бессуффиксального образования *засноба* (например, в сочетаниях типа *сердечная засноба*) от глагола *заснобить* не может быть совершенно оторвано от этимологии глагола *знобить*, но возникновение последнего относится к значительно более глубокому прошлому. Этот глагол возводится к *ǵ(e)nǒbh- из и.-е. *ǵen- 'рождать(ся)', сравнивается со слав. *zǵbati, *zǵbnǒti 'рождаться, быть рожденным' → 'прорастать, давать ростки' → 'мёрзнуть' и сближается со слав. zǵrbъ 'зуб' (из ǵen- 'рождаться': *ǵon-bho-s 'выросшее' → 'выступ')¹⁶. О значительно менее древнем

¹⁴ Словарь современного русского литературного языка... Т. 4, стб. 466.

¹⁵ Великорусские народные песни. Изданы А. И. Соболевским. Т. II. СПб., 1896, стр. 14.

¹⁶ О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, стр. 153.

характере глагола *заснобить* (и *ознобить*) 'подвергнуть сильному холоду' по сравнению с *знобить* можно судить по чрезвычайно широкому, преимущественному употреблению личных форм от *заснобить* и *ознобить* при исключительном употреблении глагола *знобить* в безличной форме¹⁷.

Залётка

В значении 'милый, ухажёр' это слово не приводится ни в одном из толковых академических русских словарей, а у В. И. Даля представлено с иной семантикой: 'рыба из рода семги, лосося, но меньше его', арх.¹⁸ Между тем в народном обиходе оно бытует (обычно в частушках и без территориальных ограничений):

Мне залетка говорит:

«Что не весела на вид?» —

— «Твоя любовь, не думай, дролечка,

Меня не веселит»¹⁹.

Закрепленность слова за жанром частушки очевидна. Частушка же как определенная разновидность русского фольклора возникла сравнительно недавно — в 60—70 годы XIX века, и можно ожидать, что начиная приблизительно с этого времени постепенно всё больше и больше приобретает известность и слово *залётка* в указанном выше значении. На сравнительно недавнее появление (или активизацию употребления) слова в русском языке указывает широкое употребление формы *залёточка* при полном отсутствии диминутива **залётушка*, несомненно более древнего по своему суффиксальному оформлению — с помощью безударного традиционного народно-поэтического *-ушк-*. (По данным карточек Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР и по текстам 21 тысячи частушек, представленных в важнейших дореволюционных и советских сборниках²⁰). Ср. обычное уменьшительно-ласкательное *камешек* и народно-поэтическое *камушек* (как в народной песне из собрания Н. А. Римского-Корсакова

¹⁷ См. более подробно о глаголе *знобить* в указанной работе О. Н. Трубачева, стр. 153.

¹⁸ Д а л ь ³ I, стб. 1488.

¹⁹ Сказки и песни Вологодской области. Составители: С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Под ред. Э. В. Померанцевой и С. В. Викулова. Вологда, 1955, стр. 196.

²⁰ Сборник великорусских частушек. Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914; В. И. Симанов. Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913; Частушка. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. С. Бахтина. М.—Л., 1966; Частушки в записях советского времени. Издание подготовили Э. И. Власова и А. А. Горелов. М.—Л., 1965; Воронежские частушки. Составитель С. Г. Лазутин. Воронеж, 1958; Русская частушка. Подготовка текста и примечания В. Боква. Редакторы А. Прокофьев и Л. Шептаев. Л., 1950; Сибирские частушки. Составитель И. С. Коровкин. Омск, 1959.

«Я на камушке сижу»), аналогично *уточка* и *утушка* (как в народной песне «На море утушка купалася») и т. п.

Историю слова *залётка* помогают проследить диалектные материалы и диалектологические наблюдения.

По данным картотеки СРНГ, слово известно в разных местностях страны, и больше ни о чем, казалось бы, материалы не говорят. Однако если иметь в виду признаки недавно начавшейся активизации слова и классифицировать весь касающийся его диалектный материал по хронологическому принципу, то оказывается, что существительное *залётка* стало практически едва ли не повсеместно обнаруживаемым лишь в последние 3—4 десятилетия; приблизительно же до 1934 г. оно фиксировалось как явно диалектное западнорусское! Приводим эти сведения.

Диалектные данные, относящиеся ко времени до 1934 г.

Залётка 'ухажёр, милый; редк. любимая': Пск. и Опочецк. уу. Пск. губ. (1902—1904 гг.); Тверск. губ. (1906 и 1914 гг.); Борович. у. Новг. губ. (1923—1928 гг.).

Залётинка 'любимый': Пск. губ. (1904—1918 гг.).

Диалектные данные, относящиеся ко времени начиная с 1934 г.

Залётка 'ухажёр, милый; любимая': Шацк. Тамб. обл., 1934—50 гг.; Алекс. Куйб. обл., 1945—64 гг.; Вельск. Арх. обл., 1946—59 гг.; Волог. обл., середина 1940-х — середина 1950-х годов²¹; д. Торчилова Кад. р. Волог. обл.; д. Деулино Ряз. р. Ряз. обл., 1960—1963 гг.; Зауралье, 1962 г.; Средн. Урал, 1964 г.; с. Ладва Прионеж. р. Карел. АССР, 1966 г.; г. Абаза Хакасской АО Красноярск. кр., 1967 г.; Моск., 1968 г.; Южн. Урал, 1968 г.; с. Яс. Ташла Тереньг. р. Ульянов. обл., 1969 г.

Залёта 'любимый, любимая': Пенз. обл., 1960 г.; бассейн ср. течения р. Оби, 1964 г.; Ср. Прииртышье, 1967 г.

Залётник 'волоката, ухажёр': Курск. Орл., 1947—1960 гг.

Эти факты соответствуют характеру употребления слова *залёт(оч)ка*, обнаруживаемого в классическом дореволюционном сборнике частушек под ред. Е. Елеонской, самом значительном по объему и единственном дореволюционном сборнике, в котором тексты представлены в соответствии с их записью по губерниям (выходные данные об этом издании см. в сноске 20). Из 6020 текстов, относящихся к разным губерниям России, можно выделить только 46 частушек, в которых встречается *залёт(оч)ка* 'милый' и — редко — 'милая'; из них 45 текстов (№ 1574, стр. 135; № 1580, стр. 136; № 2446, стр. 199 и т. д.) относятся к Тверской губернии и одна частушка (№ 742) — к Новгородской.

Диалектологи подтверждают представленную здесь картину. Один из них, отмечая курско-орловский диалектизм *залётник*

²¹ Сказки и песни Вологодской области. . . , стр. 185, 187, 192, 196.

‘волокита, ухаждёр’, пишет: «Слово «залётник» и близкие с ним по значению (ср. «залётка») получили распространение в сравнительно последнее время; они не составляют принадлежность собственно местных, территориальных говоров русского языка». (Кардашевский. 1947—1960 гг. — Картотека СРНГ).

Такое изменение в употреблении этого названия в частушках без территориальных ограничений совпадает с внедрением в быт (городской и сельский) радио, сыгравшего несомненно большую роль в распространении тех или иных местных частушек по всей стране. И если такие существительные, как *вотоля*, *матаня*, *дроля*, всё же остались диалектными, то слово *залётка* приобрело широкую популярность. Причина здесь кроется в более понятной для представителей разных говоров мотивированности значения слова *залётка*, чем названий *вотоля*, *матаня*. *Залётка* могло неэтимологически сближаться через прилаг. *залётный* с причастием *залетевший*: «*Залётный*. 1. ‘Залетевший случайно’. 2. ‘Милый, желанный’». (Яросл., 1961. — Картотека СРНГ). Кроме того, в традиционных лирических жанрах фольклора хорошо известно фразеологизованное сочетание *залётный сокол* как символ жениха: «Ты, дитя ли мое, дитяtko, / Ты приветь-ка ясна сокола, / Ясна сокола залетного, / Да добра молодца приезжего». (Саратовск. обл., Карсавск. р-н., дер. Святославка. Ф. А. Кореникова, 86 л., 1949 г.)²². Тот же фразеологизм имеется в чердынской свадебной песне «Накануне было девишника»²³. Далее, в русском быту было достаточно активным словосочетание *залётна(я) птица*, употреблявшееся в роли обращения с положительной эмоциональной окраской: «Г-жа Простакова. Пойти за ним, однако ж. . (за Митрофаном. — Г. О.). Вральман. Потти, моя матушка! *Салётна птица!* С ним тфой гласа натошно». (Д. И. Фонвизин. «Недоросль», д. III, явл. 8).

Наконец, широко употреблялось и прилагательное *залётный* ‘лихой’: «Есаулушку мы выберем залётного» (Песни оренбургских казаков. Собр. Мякутиным. Ч. I, ст. 9. — Картотека БАС).

Приведенные примеры объясняют лишь быстроту распространения первоначально диалектного *залётка*, но отнюдь не его происхождение. Псковско-новгородско-тверское *залётка*, *залётинка* следует сближать с блр. *залётнік*, м., ‘волокита, ухаждёр’²⁴, *залетаць* ‘предварительно заискивать расположение чье’, *залёты* ‘заискивание расположения девицы, искательство’²⁵, укр. *зальбтник* и редк. *зальбтчик* ‘волокита, поклонник’; разг. ‘ухажёр’, ‘ухаживатель, обожатель’; разг. устар. ‘любезник’²⁶;

²² Лирика русской свадьбы. Издание подготовила Н. П. Клепикова. Л., 1973, стр. 65.

²³ Чердынская свадьба. Пермское книжное издательство, 1970, стр. 109.

²⁴ Белорусско-русский словарь. М., 1962, стр. 292.

²⁵ Носович, стр. 172.

²⁶ Украинско-русский словарь. Гл. ред. И. Н. Кириченко. Т. II. Киев, 1958, стр. 73.

‘человек, любящий волокаться за женщинами’, *зальбти* ‘ухаживания, волокитство, амурь’, *зальбтний* ‘тот, кто любит волокитство’²⁷, *залицяльник* ‘ухажёр’, *залицятися* ‘ухаживать’²⁸; польск. *zalotnik* и устар. *zaletnik* ‘большой охотник до девушек’²⁹, ‘жених’, устар. ‘волокита’, *zalotnica* и устар. *zaletnica* ‘форма ж. рода от *zaletnik*’, ‘кокетка, ветреница’, *zaloty* ‘ухаживание, заигрывание’, *zalotny* ‘кокетливый, игривый; ветренный’³⁰, чеш. *záletný* ‘милый, любимый’, *záletník* ‘ухаживатель, ловелас’, *záletnice* ‘кокетка’, *zálety* ‘волокитство’³¹; словц. *záletnica* ‘ветренная женщина, любительница любовных приключений’, *záletník* ‘бабник’, *schodit' na zálety* ‘таскаться за девушками’³²; болг. *залѣтим се* ‘ухаживать за кем-либо’³³, *залѣтим* то же³⁴, *залѣтам* народное ‘увлечься кем-либо’³⁵.

Словообразовательная изолированность в русском языке сущ. *залѣтка* и его первоначально диалектный характер при активности словообразовательной и узуальной (повсеместное, а не региональное употребление) его параллелей в украинском, белорусском и западнославянских языках свидетельствуют о том, что это русское слово возникло в условиях тесных контактов западнорусского населения с белорусами, поляками, украинцами, судя по переходу в их языковых образованиях, как и в русском *залѣтка*, *e > 'o*, естественно, не возникшему в приведенных чешских и словацких соответствиях. Ввиду отсутствия формы *залѣтка* (с суффиксом *-к-*) в других славянских языках, русск. *залѣтка* не может считаться прямым заимствованием, в отличие от южнорусского *залѣтник*, заимствованного из украинского. Само *e* здесь из звука *ě*, как это видно из этимологизации приведенных западнославянских слов³⁶, возводимых к ст.-слав. *лѣтъа* (ѣсѣтъа) ‘можно, licet’, причем глагол **za-lět-jati >* словц. *zaliečat' sa*, *zaliecat' sa* ‘хотеться понравиться’ возник, как считают, из выражения «*jíti za lěť*» к девушке, т. е. ради ее приязни, в поисках ее благосклонности³⁷. Ср. еще др.-русск. ц.-слав. *лѣтъа* ‘возможность’³⁸.

²⁷ Словник української мови. Т. III. Київ, 1972, стр. 199.

²⁸ Там же, стр. 186.

²⁹ Варшавский словарь VI, стр. 154.

³⁰ Д. Гессен и Р. Стыпула. Большой польско-русский словарь. Москва—Варшава, 1967, стр. 1252.

³¹ K o t t V, стр. 134.

³² И с а ч е н к о II, стр. 694.

³³ Л у к а Г ѣ л ъ б о в. Говорѣт на с. Доброславци, Софийско. — БД II, 1965, стр. 80.

³⁴ З. Б о ж к о в а. Принос към речника на софийския говор. — БД I, стр. 248.

³⁵ РБЕ I, стр. 396.

³⁶ Все вышеприведенные восточнославянские и болгарские сближения при такой этимологизации даются в настоящей статье впервые.

³⁷ M a c h e k¹ (1957), стр. 581; M a c h e k³ (1971), стр. 709; В г ü с к н е г, стр. 644; Н о l u b — К о р е ѣ н ŷ, стр. 431.

³⁸ С р е з н е в с к и й II, стб. 80.

Соотносить русск. *залётка* непосредственно с *лѣтъ* невозможно, т. к. вопреки М. Фасмеру, приводящему наречие *леть* как народно-разговорное диалектное со ссылкой на Даля, такого диалектизма нет ни в Словаре В. И. Даля, ни в Картотеке СРНГ. *Леть*, правда, обнаружено в русском литературном языке первой трети XVIII в., но все эти употребления, судя по материалам Картотеки XVIII в. Ленинградского отделения Института русского языка, являются несомненно книжными, книжно-церковными, например, в слове оберieroмонаха Гавриила Бужинского «О полученной победе над Каролом вторымнадесять. . . и войски его под Полтавою» (СПб., 1720, л. $\bar{и}$).

Лапушка

По Я. Автамонову, *лапушка* как ласкательное обращение (чаще всего, но не исключительно применительно к женщине) возникло на основе символики от названия *лапушка* 'дятлина, трилистник, клевер', приводимого в Словаре В. И. Даля и в Ботаническом словаре Н. Анненкова. При этом подчеркивалось, что «цветы у нее (лапушки. — Г. О.), редко бывают белые, большею частью — или бледно-красные, или пурпуровые; цветет с апреля до октября»³⁹.

В известной мере такая точка зрения оправдана, если учесть, например, что красный цвет ассоциируется в представлении народа, как известно, с образом женщины, с которым прежде всего связано рассматриваемое обращение (наиболее близкие аналогии: *лапушка* 'вкусная, нежная ягода, темно-красная, по виду похожая на малину (ежевика)' (Белозер. Новг.)⁴⁰ и *лапушечья* 'ласковое слово' (с. Колобово Нолин. у. Вятск. губ., 1897 г. — Картотека СРНГ), а также не отмеченное знаком ударения *лапушка* 'прозвище (краснощекая, толстая)' (Кадник. у. Волог. г.)⁴¹. Кроме того, поскольку, как подчеркивал Я. Автамонов, время цветения лапушки-клевера захватывает собой раннюю весну и осень, то народ должен был обратить на нее внимание. [Что касается названия самого клевера, то он «мог быть назван лапушкой, разумеется, и от «лапы» (стр. 254)]. Автор привел в качестве аналогии слово *репушка* (от *репа*) как ласковую «кличку круглой девки» (по В. И. Далю).

Тем не менее такая точка зрения не вполне обоснована.

Во-первых, вызывает некоторое сомнение достоверность приводимой В. И. Далем формы *лапушка* 'клевер' с ударением, падающим на *а*. В «Ботаническом словаре» Н. Анненкова *лапушка* '*Trifolium pratense* L.' представлено без ударения⁴². В «Словаре

³⁹ Я. Автамонов. Символика растений в великорусских песнях. Растения травянистые. — ЖМНП, 1902, № XII, стр. 253.

⁴⁰ Труды Московской Диалектолог. комиссии, вып. XII. М., 1926, стр. 43.

⁴¹ Ж. Ст., 1899, IV, стр. 526.

⁴² Н. Анненков. Простонародные названия русских растений. М., 1858, стр. 95; Он же. Ботанический словарь. Изд. 1. М., 1859, стр. 160; изд. 2. М., 1878, стр. 359.

русского языка, составленного II Отделением Академии наук» (Л., 1932, т. 5, в. 2), сказано: «*Лапушка*. 1. Уменьш. и ласк. от сл. *лапа*. 2. Ласкательное обращение. 3. Дятлина, трилистник, клевер. (Д.). Ошибочно — вм.(есто) *лопушка*».

В самом деле диалектное *лапушка* с ударением на *у* как название травянистого растения обнаружено в нескольких народных русских говорах. Ср.: *лапушка* 'милочка, милая', но *лапушка* 'лист лапушника; вообще круглый большой лист' (вятск.)⁴³: «Надо ту траву косить, | Которая лапушка; | Надо тех робят любить, | Которые с игрушкам» (Яранск. у. Вятск. г., 1903. — Картотека СРНГ), 'лист растения, круглый': «Лапушки красны рву, а н'е йагоды» (Вожгалъск. р-н Кировск. обл., 1950. — Там же), 'лопушник и мать-и-мачеха' (Пермск. обл., пос. Ильинский, 1969. — Там же). При этом форма *лапушка* более распространена, чем *лапушка* 'клевер', представленная в «Ботаническом словаре» Н. Анненкова как лишь московское местное название.

Во-вторых, если обращение *лапушка* действительно символ, то должны быть тексты, из которых было бы видно, что название клевера *лапушка* используется и как обращение в переносном смысле. Но таких текстов как раз нет, что признавал и Я. Автомонов: «Правда, в песнях мы не имеем прямых доказательств того, что *лапушка* растение»⁴⁴. Автор, впрочем, пишет, что, например, и «голубчик, голубка, голубушка и ластушка очень часто употребляются без всякой мысли о голубях и ласточках». Однако эти слова, даже будучи употребленными в роли обращения, ещё сохранили как символы следы с е м а н т и ч е с к о г о п а р а л л е л и з м а (двузначности): «Мой платочек тонкий рубчик, | Помяни, сизый голубчик» (Архивные материалы Омского пединститута им. Горького). Этой особенностью обладают все отмечавшиеся исследователями языка русского фольклора символы, и возникает вопрос, было ли вообще слово *лапушка* когда-нибудь символом?

И, наконец, не вполне ясно, почему нужно сравнивать обращение *лапушка* исключительно с названием клевера. Существуют наряду с этим названия *лапушк'и* 'кувшинки болотные' (с. Ямышево Павлодарск. кр., 1961. — Картотека СРНГ), *лапушка* 1) 'глушинная береза, негодная для веников (старое)'; 2) ласкательное слово (осташк. Калининск., 1946. — Там же), *лапушки* 'ботва (огуречная)' (Арх. обл., Вилегодск. р-н, с. Никольское, 1957. — Картотека СРНГ), далее — без знака ударения *лапушка* 'Euphorbia просега' (Пенз., без даты. — Картотека БАС) и др. Допуская образование обращения *лапушка* из *лапа*, слова, звучащего применительно к людям с оттенком неприязни, следует иметь в виду, что рассматриваемое ласкательное обращение всегда употребляется с тем или иным диминутивным суффиксом.

⁴³ Васнецов, стр. 120.

⁴⁴ Я. Автомонов. Указ. соч., стр. 253.

Кроме *лапушка* известны формы *лапонька* 'обращение взрослого к ребенку' (с. Кузькино Куйбыш. обл. 1957. — Картотека СРНГ), 'ласковое обращение к ребенку, иногда к любимому человеку' (Пенз., 1960. — Там же), *лапинька* в песне: «Светик милый — лапинька Алешенька» (без указания места и даты, но не позднее 1918 г. — Картотека БАС), *лапочка* 'распространенное повсеместно ласковое обращение, обнаруженное как в народных говорах (напр., в Малмыж. у. в Пошех. у. Яросл. г., 1890 г.), так и в литературном языке': «Прощай, лапочка» (Пушк. Письмо Мансурову 27.X.1819)⁴⁵, и более редкое, обнаруженное нами и не встречаемое в словарях и картотеках *лапка*: «Дядя Никон (сбрасывая с плеча кису). . . Девки и бабы. . . значит. . . иди сюда, лапки! всем будут подарки. . .» (А. Ф. Писемский. «Горькая судьбина». Драма в 4 действиях. Д. I, явл. 2. 1859 г.). Эти диминутивные образования употребляются параллельно для обозначения руки: «Дай лапочку поцелую» (Смол. г. — Картотека СРНГ), — но далеко не все из них встречаются как названия растений. (Известны лишь формы *лапки*, *лапочки* 'клевер *Trifolium arvense*'. — Донск., 1929).

В связи с этим нет оснований не считать *лапушка* и другие приведенные уменьшительные формы производными от *лапа*. Перенос названия при этом происходит метонимически, от части к целому ('рука' → 'милая, милый'). Во внешнем проявлении человеческого доброжелательства и ласки рука занимает едва ли не ведущее место, и такое толкование вполне естественно.

Менее вероятным было бы сближение русск. *лапушка*, *лапочка*, укр. *лапочка* = русск. *лапушка*⁴⁶ с чеш. устар. *lapák, lapač, larka* 'разбойник, палач'⁴⁷. Ср. семантическую модель русского *дроля* (по этимологии, предложенной Ж. Ж. Варбот⁴⁸). Что касается отдельных употреблений некоторых уменьшительных образований от *лапа* или *лапѹх*, этимологически сближаемого с лит. *lāras* 'лист' и с *лапа*⁴⁹, то они действительно, как показывает материал, могут в качестве ласкательных обращений ассоциироваться в сознании говорящих в первую очередь с названиями растений, особенно в пределах одного и того же говора (к приведенным *лапѹшка*, *лапѹшечка*, может быть, следовало бы добавить обл. *лапѹщецкая* в знач. сущ. 'ласкат. слово (обращение к женщине, девушке?)'. — Нолин. у.; прогр. № 52)⁵⁰.

⁴⁵ Словарь русского языка, составленный II Отделением АН. Пг., 1915, т. 5, вып. I, стб. 207—208.

⁴⁶ Украинско-русский словарь. Ред. И. Н. Кириченко, т. II. Киев, 1958, стр. 430.

⁴⁷ Jungst a n n II, стр. 263—264; Вегнекер, стр. 690.

⁴⁸ Ж. Ж. Варбот. Заметки по славянской этимологии (слав. **koristь*, слав. *(s)*kręga*, русск. диал. *намѹкнуть* 'приучиться', русск. *дрѹля*, русск. *-нѹчить*). «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 78—81.

⁴⁹ Фасмер II, стр. 520.

⁵⁰ Словарь русского языка. Т. 5, в. I. Пг., 1915, стб. 210.